

18+

Вокруг света
с любовью

Таня Левинсон

**Вокруг света с любовью.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Левинсон Т.

Вокруг света с любовью. Сборник рассказов / Т. Левинсон —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515409-5

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Сборник рассказов авторов из Канады, США, России
и Израиля. Большинство — начинающие писатели; для некоторых это первый
опыт работы с художественным текстом. Авторы встретились на курсах
«Пиши, публикуй!» и «Трансформационный сторителлинг». Концепция
сборника «Вокруг света с любовью» задумывалась как шкатулка с двойным
дном. Пытливый читатель обратит внимание: темы связаны с путешествиями,
физическими или метафорическими, но главное — это тексты о любви.
Организация "Meta Inc." запрещена на территории РФ.

ISBN 978-5-00-515409-5

© Левинсон Т.
© Издательские решения

Содержание

Обращение к авторам	6
Виктория Зисманов, Канада	7
Снегурочка на прищепке	8
Канадские каникулы	12
Ирина Волкова, Израиль	16
Параллельный мост	17
Натали Кантор, Израиль	21
Петровна	22
Елена Майзлин, Израиль	23
Человек мой маленький	24
Очарованный странник	26
Все свое ношу с собой	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Вокруг света с любовью

Сборник рассказов

Составитель Таня Левинсон

ISBN 978-5-0051-5409-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обращение к авторам

Дорогие друзья, вы проделали непростой путь в мир слов, которые теперь читают другие люди. Это почётно и ответственно – запомните этот момент. Будьте верны себе. А вдохновение, в свою очередь, пусть будет к вам благосклонно!

Ваша – Таня Левинсон

Выпускники писательской мастерской «Асимметрия», Тель-Авив

Виктория Зисманов, Канада

«Всю жизнь я любила писать. В школе писала сочинения на отлично. На праздники и юбилеи сочиняла стихи. Когда хотела поделиться своими переживаниями, писала рассказы.

После рождения сына вела рубрику в журнале для родителей. В рамках моей основной деятельности пишу научные статьи. И вот, наконец, весь мой неформальный писательский опыт вылился в литературный дебют, включённый в этот сборник».

Снегурочка на прищепке

Момент своего появления на свет я, если честно, не помню, но отчетливо сохранила в памяти, как меня вместе с братьями и сёстрами привезли в магазин в большой нарядной коробке белого цвета. Мы лежали, завернутые в хрустящую бумагу, такую тонкую, что из-под неё поблёскивали наши яркие сверкающие бока. Обращались с нами бережно-бережно, как с хрустальными, хотя мы были сделаны из стекла. На коробке большими буквами было написано: «Ёлочные игрушки „Сказочные персонажи“, производство: СССР, Завод стеклянных ёлочных украшений и оптических изделий, г. Москва». Раскрывшая коробку продавщица любовалась нами минут десять, охала и ахала, брала игрушки в руки, вертела и осматривала со всех сторон. Когда дошла очередь до меня, продавщица не удержалась и позвала напарницу: «Смотри, красота какая».

Без ложной скромности скажу, что среди братьев и сестёр я, действительно, самая красивая игрушка: серебристая шубка, расписанная красными и синими узорами, отороченная стеклянным «мехом», шапочка, синие варежки и сапожки, две длинные, ниже пояса, русые косы, синие глаза под тоненькими дугами бровей, маленький носик, алые губки – загляденье, настоящая Снегурочка.

Игрушки разложили на стеклянной витрине в окне магазина среди серебристого дождика. За окошком на улице шёл снег, большие пушистые хлопья медленно кружили и падали, устилая землю белой скатертью. Вдруг что-то заслонило размеренно падающие снежинки, и я увидела мордашку и две ладони, прижавшиеся к витрине. На улице стояла девчушка лет пяти. Она с кем-то возбуждённо говорила и смотрела на меня. Через пару минут девочка исчезла, и мне бы опять любоваться снегопадом, но вдруг стало грустно из-за того, что на стекле остались только следы маленьких ладошек.

– Вот она, эта Снегурочка, посмотри, мама, вот она! Пожалуйста-пожалуйста, купи мне эту игрушку. Ну, пожалуйста, – вдруг услышала я.

Меня достали из витрины, и я опять увидела знакомую девочку, которая умоляюще смотрела на маму и аж приплясывала от нетерпения, ожидая, пока ей купят игрушку.

– Ёлочная игрушка на прищепке. Снегурочка из серии «Сказочные персонажи», – прочитала этикетку мама.

– Снегурочка на прищепке, Снегурочка на прищепке, – закричала девочка, прыгая на одной ноге вокруг мамы. – Снегурочка на прищепке, давай с тобой дружить, – сказала она, обращаясь ко мне.

Так у меня появилась хозяйка, и я переселилась из магазинной витрины в витрину серванта дома у девочки.

На следующий день в доме появилась ёлка, а вечером вернувшийся с работы папа пошёл вместе с девочкой за ёлочными игрушками, которые хранились в сарае. Сарай был расположен в соседнем дворе через дорогу и открывался большим и тяжёлым железным ключом вовсе на ключ и не похожим. По дороге туда папа вёз хозяйку на санках, а обратно на санках уже везли игрушки: деревянный ящик из-под посылки с лампочками и гирляндами, огромную коробку с игрушками, такую большую, что она с трудом умещалась на санках, и ещё мешок с Дедом Морозом.

Эти подробности мне взахлёб рассказывала хозяйка, пока папа устанавливал ёлку в крестовину. Потом пришла очередь гирлянд: звезда и цветы, унизанные лампочками, мириады огоньков, сказочный теремок с волшебными животными и большие сани Деда Мороза, запряжённые лошадьми.

Дедушка девочки – мастер на все руки – сделал сам эти украшения и гирлянды. Всю эту красоту требовалось развесить и закрепить на ёлке и вокруг – работы на целый вечер, а игруш-

ками будут заниматься завтра. Хозяйка крутилась вокруг папы и усердно ему помогала, а когда папа уходил на перекур на лестницу, я получала подробный отчёт обо всём происходящем. Вот, наконец, гирлянды были развешены, соединены и подключены. Хозяйку уложили спать. В темноте ёлка светилась разноцветными огоньками, в окошке отражалась ёлка-близняшка. Даже без игрушек, с одними только лампочками, дерево выглядело необычайно нарядно и празднично; было в зелёной красавице некоторое особенное очарование и незащищенность. В доме было тихо и сказочно, казалось, в этой тишине где-то там, за ёлкой, притаилось счастье.

Новогодняя суэта продолжилась на следующий вечер: игрушки доставали из слоёв ваты и вешали на ёлку. Чего там только не было: ледяные сосульки и яркие колокольчики, экзотические рыбки и птички, припорошенные снегом шишки и золотые початки кукурузы, большие и маленькие разноцветные шары со снежинками, узорами или без рисунков, но красочные и живописные. Меня водрузили на почётное место в центре ёлки. Потом развесили дождик, крестовину ёлки спрятали под ватой, а рядом установили внушительного Деда Мороза ростом с мою хозяйку. Когда работа была закончена, вся семья, налюбовавшись ёлкой, отправилась на кухню пить чай с бабушкиным «наполеоном». Девочка выглядела совершенно счастливой, она так же, как и я, чувствовала новогоднее волшебство, наполняющее воздух. Да и много ли ребёнку надо для счастья? Предвкушение праздника, семейные чаепития, «наполеон», тающий во рту...

Для меня эта предновогодняя неделя проходила необычайно радостно, я постоянно была в центре внимания. Каждый вечер, едва начинало темнеть, на ёлочке зажигали огоньки, которые отражались в моей серебристой шубке, и я выглядела сказочно и чудесно. Вокруг поблёскивали боками разноцветные шары, таинственно мерцали сосульки, расправляли крылья волшебные птицы, хрустально звенели колокольчики, в сказочном теремке таинственно горел свет, и Дед Мороз готовился доставать подарки из своего мешка.

В новогоднюю ночь было весело и радостно: в комнате разложили большой стол, за которым собралась вся семья. Как моя хозяйка радовалась: ей разрешили не ложиться спать! Девочка встречала Новый год вместе со всеми, как взрослая, ела «взрослые» блюда, пила сидро и даже попробовала консервированные ананасы. Когда пробили куранты, мама, папа, бабушка и дедушка чокались, пили шампанское и поздравляли друг друга с новым годом.

– С Новым годом, Снегурочка на прищепке! – закричала хозяйка, подбегая ко мне.

Потом стали расходиться спать. Папа сказал девочке:

– Я тебя ещё не целовал в этом году, неси сюда щёчку.

Он подхватил её на руки, а девочка залилась счастливым смехом.

Утром под ёлкой хозяйку ждал подарок.

Так и потекла моя жизнь: большую часть года я проводила в коробке, в мягкой вате с сухими еловыми иголками, среди своих друзей – других игрушек, а новогодние праздники – на ёлке, иногда живой, иногда искусственной. Живая ёлка обычно была большая, намного выше хозяйки, её устанавливали на полу, а искусственную – маленькую, серебристую, ставили на серванте под потолком. Каждый год я с нетерпением ждала зиму, снег и мороз, когда папа с девочкой начнут новогодние приготовления, когда меня привезут домой: к семье, ёлке, огонькам, аромату мандаринов, чаепитиям с «наполеоном». Я ждала, что хозяйка встретит меня радостным «Привет, Снегурочка на прищепке! Как же я соскучилась!»

Хозяйка рассказывала мне кучу весёлых и грустных происшествий из своей жизни, сначала детсадовской, потом и школьной. Однажды, например, нигде не было ёлочных базаров, живую красавицу не удалось найти, поставили и украсили искусственную ёлочку. Потом хозяйка с мамой наткнулись на парня, который продавал живые ёлки и решили купить. Пока ехали домой в троллейбусе, смеялись, что сейчас заявятся домой с ёлкой и будут просить, чтобы папа её установил, а папа их обеих выгонит, вместе с ёлкой и выгонит. Но, конечно,

никуда папа не делся, поставил живую, и хозяйка с папой «переукрашали» ёлку, а я за один год побывала на двух ёлочках сразу.

Когда хозяйка подросла, стали собираться не узким семейным кругом, а большой компанией с дядями, тётями, двоюродными братьями-сестрами. Это всегда было очень весело: устраивали маскарады, смешные конкурсы, играли в шарады. После полуночи обязательно ходили гулять к городской ёлке, жгли бенгальские огни, рассыпали вокруг разноцветные конфетти из хлопушек. Иногда заходили в гости к знакомым. На площади возле ёлки играла музыка, народ пел, танцевал и веселился. Люди поздравляли друг друга с новым годом, желали счастья, и казалось, что каждый человек как бы заряжается этим счастьем, которым наполнен морозный воздух новогодней ночи.

Шли годы, хозяйка моя росла. Девушка окончила школу, поступила в университет, всё реже отмечала новый год дома с семьёй, а всё чаще с друзьями, в компаниях или уезжала на новогодние каникулы. В какой-то момент семья хозяйки перестала ставить и украшать ёлку, игрушки и гирлянды лежали забытыми в коробках в сарае. Мне было грустно до слёз. Я слушала без хозяйки, переживала за неё, чувствовала, что у неё проблемы, и не всё складывается удачно.

Когда семья хозяйки продала квартиру и переезжала, вещи, лежавшие в старом сарае, разбирали. Забытую снегурочку нашли и отдали хозяйке. Девушка встретила меня, как подругу детства, с которой давно не виделась.

– Ой, Снегурочка на прищепке! Сколько лет мы не виделись! Совсем я тебя забросила, – запричитала она.

Я смотрела на красивую молодую женщину, в которую превратилась моя хозяйка, и не видела огонька, горевшего в её глазах раньше. В ней больше не было той веры в чудо, которая так привлекала меня в юной хозяйке.

– Мне казалось, что он – мой суженый, тот единственный, которого ждёшь всю жизнь, – начала рассказывать хозяйка после долгой паузы. – Я влюбилась с первого взгляда. Весёлый, интересный, красивый. С ним было так хорошо. А за неделю до Нового года он сделал мне предложение. Представляешь? Как я была счастлива! Я почему-то с детства верила, что любовь в мою жизнь принесёт новый год. Думала, вот оно – моё новогоднее счастье. Новый год мы договорились отмечать вдвоём у меня. Как я готовилась! Бегала по магазинам, покупала продукты, особенное платье, туфли... Целый день возилась на кухне... Это ведь новогодний ужин для любимого! Потом причёска, маникюр... К десяти, когда он должен был прийти, у меня уже всё было готово: украшенная ёлка, стол, свечи, шампанское, фужеры со «снежной» каёмочкой. Я чувствовала себя такой счастливой! Я представляла в мельчайших подробностях, как он войдёт, увидит меня, что скажет... Знаешь, Снегурочка, какое самое тяжёлое занятие на свете? Ожидание...

10.00... 10.05... 10.10... Я каждую минуту смотрю на часы... 10.30... Думаю, задержался... пробки... что-то покупает в последний момент... 11.00... Звоню. Телефон выключен... Может, что-то случилось? Успокаиваю себя мыслью, что села батарейка или он потерял телефон, но внутри всё холодеет...

11.30... Придумываю какие-то правдоподобные объяснения... Мы ещё смеяться над этим будем... 11.45... Телефон выключен... Господи, может его сбита машина? Или на него напали? Или он в больнице без сознания...

00.00... Я встречаю новый год одна за романтически накрытым столом для двоих... Вот такое новогоднее чудо, Снегурочка.

Уже потом я узнала от общих знакомых, что он просто испугался в последний момент и решил пойти на попятную, – продолжала хозяйка. – Он остался в старом году, и вместе с ним в прошлом остались мои радость, счастье и надежды на будущее. С тех пор я не встречаю новый год, как будто он тоже виноват, тоже меня предал. Понимаешь, в детстве в новый год я знала,

чувствовала, что мои мечты сбудутся. Я верила в счастье, а теперь перестала верить: нет его, счастья, осталось там, в детстве, под новогодней ёлкой... Но ты не переживай, Снегурочка, я тебя больше не брошу.

– Это ты не переживай, моя девочка, – отвечала я хозяйке, – всё у тебя наладится, время лечит любые раны, тем более душевные. Теперь, когда мы опять вместе, я тебе обещаю, всё будет хорошо, вернутся и радость, и счастье, и надежды.

Меня опять поселили в серванте, и я каждый день наблюдала, как хозяйка возвращается с работы и проводит вечера в одиночестве. Но я точно знала, что однажды ей повезёт, и хозяйка найдёт своё счастье.

Близился Новый год. Хозяйка поставила маленькую искусственную ёлочку, я переселилась на неё. Это, конечно, был не тот новогодний размах, что в детстве с дедушкиными гирляндами и бабушкиными пирогами, но всё же лучше, чем вовсе не праздновать. Подруги уговорили хозяйку встречать Новый год вместе, – такой «праздник в складчину» у нас дома.

– Будет несколько моих школьных подруг со своими мужьями, – рассказывала хозяйка, нарезая ананасы и яблоки для салата «вальдорф».

Наступил новогодний вечер, стали собираться гости. Очередной звонок, и хозяйка пошла открывать.

– С новым годом! – На пороге стояла подруга хозяйки. – С моим мужем ты знакома, а это его брат, – представила она хозяйке незнакомого парня.

– Привет, с наступающим Новым годом. Большое спасибо за приглашение, – сказал молодой человек, заходя в квартиру, и протянул хозяйке красивую коробочку. – Ты знаешь, Новый год – мой любимый праздник. Стыдно признаться, но я до сих пор верю в новогоднее чудо. Когда я увидел это в антикварном магазине, то не смог пройти мимо. Мы не были с тобой знакомы, но мне почему-то показалось, что тебе это должно понравиться.

Хозяйка сняла крышку с коробки и замерла. Она переводила изумлённый взгляд с подарка на гостя. В этом взгляде я опять увидела угасший было огонёк веры в чудо. Хозяйка достала стеклянную фигурку в синих шароварах, красном кафтане, шапке и сапожках.

– Ёлочная игрушка на прищепке. Иван Царевич из серии «Сказочные персонажи», – прочитала она этикетку и подняла сияющие глаза на гостя.

Так мы с хозяйкой нашли своих принцев.

Со следующего года праздник Новый год в нашем доме был реабилитирован и опять стал отмечаться на широкую ногу. Ставили огромную живую ёлку до потолка, дружно её наряжали, всюду развешивали гирлянды, окна украшали кружевными снежинками, новогодняя атмосфера селилась в каждом уголке дома. Нам с Иваном Царевичем отводилось почетное место на ёлке. Счастливая хозяйка загодя начинала готовить угощения к новому столу: варила холодец, пекла «наполеон», нарезала овощи для «оливье» и «селёдки под шубой» под вечные приключения Жени Лукашина, и напевала любимые песни Таривердиева. Сам праздник проходил бурно в большой весёлой компании родных и друзей.

А через пару лет хозяйка, доставая меня из коробки с новогодними игрушками, подзвала свою маленькую дочку:

– Малышка, иди сюда, я тебя познакомлю с моей любимой подружкой, смотри – это Снегурочка на прищепке.

Канадские каникулы

– Да, – Ника зажала телефон плечом, – привет, Поля, что-то случилось? Что? Ничего не слышно... Сейчас, минутку, я выйду из метро, будет потише...

Ника толкнула тяжёлую дверь и зажмурилась от яркого солнечного света и ослепительного свежевывавшего снега. «Похоже, монреальская зима, как обычно, забыла, что уже конец марта,» – подумала она.

– Да, Поля, что случилось? – повторила она в трубку.

– Всё в порядке. У меня быстрый вопрос: что ты скажешь, если мы с Лерой приедем к тебе в гости в конце мая?

– Да, конечно, без проблем, – весело ответила Ника, уверенная, что подруга шутит.

– Значит, я беру билеты?

– Подожди, Поля, ты серьёзно?!

– Ну да, мы тут с Лерой говорили, хорошо бы к Ничке съездить, давно мы не виделись. Я нашла дешёвые билеты через Амстердам, осталось утвердить с тобой. Так что, я беру билеты?

– Господи, конечно, да. Да! Да! Да! Ура! Вы правда приедете?!

Поля и Лера прилетали ночью и собирались взять машину в аэропорту. Решено было, что с Никой они увидятся уже утром в гостинице. Но как же можно усидеть дома, когда с другого континента приезжают лучшие подруги, с которыми ты не виделась сто лет?! За полчаса до их прилёта Ника не выдержала, вызвала такси и поехала в аэропорт.

Водитель, полный мужчина, попался приятный и разговорчивый.

– Кого встречаем, мисс? – спросил он, увидев, что Ника без чемодана, и тут же по-монреальски уточнил: – Английский? Французский?

– Лучше английский. Встречаю подруг... Мои школьные подруги приезжают в гости.

Обычно Ника отмалчивалась, когда таксисты пытались завязать беседу, отвечала односложно, но тут не могла удержаться.

– Представляете, мы дружим уже больше двадцати лет, с десятого класса.

– Да-а, – протянул водитель, – впечатляет. Я вас понимаю, нет ничего лучше школьной дружбы.

Когда за раздвижной стеклянной дверью показались подруги, Ника бросилась навстречу.

– Девчонки-и-и! —закричала она, обнимая и целуя подруг. – Ура! Приехали!

– Ничка-а-а! – радовались в ответ подруги. – Сколько лет, сколько зим!

– Значит так, девочки, у нас с вами большая программа, – тараторила Ника по дороге в гостиницу. – В эту неделю наших канадских каникул будем впихивать невпихуемое: достопримечательности Монреаля, Оттаву, «Тысячу островов», Ниагарский водопад. Завтра утром я к вам приеду и поведу вас в одно замечательное место. Канадские каникулы начинаются!

На следующее утро Ника пригласила подруг завтракать в старое французское кафе «Дюк де Лорейн», расположенное у подножья базилики святого Иосифа. Сидя у огромных, во всю стену, окон кафе, можно было любоваться величественным куполом базилики, слушать вечных Джо Дассена, Эдит Пиаф, Шарля Азнавура, Далиду, и наслаждаться французской выпечкой и ароматным кофе.

– Господи! Девчонки, я не верю, что мы вместе в Монреале! – воскликнула Ника. – Какие вы молодцы, что приехали!

– Да, Поля всё так оперативненько организовала, – сказала Лера, – она у нас молодец.

– Ой, это что, кофе? – испуганно просила Поля, глядя, как официант ставит на стол огромные пиалы, больше похожие на тарелки для супа.

– Да, – засмеялась Ника, – это большой кофе, как заказывала.

– А помните, как мы с Лерой так же сорвались и поехали с тобой в Швейцарию? – спросила Поля, сделав глоток. Она утвердительно кивнула: кофе был, действительно, хорош.

– Ага, помню, как мы с тобой болтали, – подхватила Ника, – и я говорю: а не хотите ли вы съездить со мной в Швейцарию на конференцию, а Поля отвечает: хм-м, почему бы и нет, сейчас у Леры выясним. Вы всё так замечательно спланировали, нашли такую классную гостиницу! Твоё дело, говорите, – конференция, а развлечения – это наша забота.

– Да, в Лугано было здорово, – добавила Лера. – Мы, кстати, тоже в мае ездили, вдоль набережной стояли цветущие каштаны. А помните, как мы вышли из супермаркета, и у нас порвался пакет, всё выпало, и бутылка вина разбилась вдребезги прямо на площади?

– Такое не забудешь, – засмеялись Ника и Поля.

Воспоминания полились рекой; и, как обычно, начали обсуждать школьную жизнь.

– Не пригласила бы ты нас, Лера, тогда на свой день рождения, не сидели бы мы сейчас здесь, – сказала Поля.

– Мне было неудобно пригласить кого-то одного из комнаты, мы же жили вчетвером, – объяснила Лера, – вот я и пригласила всех.

– То есть мы дружим уже двадцать лет из-за Лериной порядочности, – засмеялась Ника.

– Помните, как мы пытались сориентироваться в нашей новой жизни? – спросила Поля.

– Бр-р-р, – передёрнула плечами Лера, – как вспомню эту адаптацию после приезда в Израиль... одни, без родителей... шестнадцатилетние подростки...

– Да, поодиночке нам было бы гораздо сложнее осваиваться в той новой реальности, – добавила Ника.

– Это точно, – согласилась Поля, – зато вместе мы отлично справились и вот – дружим до сих пор.

Подруги сидели на палубе круизного теплохода «Звезда островов». Они находились в одном из самых красивых мест Канады, национальном парке «Тысяча островов» на реке Святого Лаврентия. Над кормой весело трепетал красный кленовый листок.

– Это место ещё называется «Сад богов», – рассказывала Ника, – на самом деле островов не тысяча, а около двух тысяч. Они различаются размерами и формой... А островом считается кусок земли больше одного квадратного фута, который находится над водой все 365 дней в году, и на котором растёт хотя бы одно дерево. Самый большой остров – «Волчий», а на «Сердечном» острове стоит красивый замок, построенный хозяином острова для любимой жены.

Вокруг простиралась водная гладь, и закатное солнце, опускаясь в воду, превращало её в расплавленное золото.

– Да, и знаменитый соус «тысяча островов» был придуман в одном из отелей на островах, – добавила Ника, когда им подали ужин.

– М-м-м, как вкусно, – сказала Поля, попробовав запечённую рыбу. – А помните наш коронный салат «от тёти Милы»? Без него ни одно наше застолье в интернате не обходилось.

– Главное его достоинство – минимум ингредиентов, – засмеялась Ника. – Помните, как мы варили для него яйца в чашке с кипятильником?

– Да, голь на выдумки хитра, – усмехнулась Лера, – но нам он тогда казался очень вкусным.

– А помните наши уборки по утрам в интернате, когда Тами выливала на пол по три-четыре ведра воды?

– Ага, а работу? Помните, как мы работали в столовой?

– Да, двойные смены, обед-ужин. Мы всегда просились работать вместе.

– А помните курятник? Помните, как мы собирали и сортировали яйца?
– А как мы готовились к экзаменам, как зубрили историю? – Лера пригубила вино.
– Да, и как сидели, как зомби утром перед экзаменом. Как Регина удивлялась, что это вся группа такая притихшая...

– Ещё бы, это был наш первый экзамен на аттестат.

– А помните Эсти, с её вечным «вот»?

– И как мы считали, сколько «вот» она скажет за урок, – подхватила Ника.

– Мы ведь можем так часами сидеть и вспоминать. Это же целая жизнь, – сказала Поля. – Сколько всего у нас в жизни есть и было: школа, армия, университет, работа, мужья, дети... Мы расставались, разъезжались по разным странам, снова встречались. Сейчас, вообще, живём на разных континентах. У каждой своя жизнь. Но та ниточка, которая связала нас в школе, до сих пор есть. Девчонки, эта ниточка до сих пор нас связывает!

– Да, ведь не важно, сколько лет мы не видимся, главное ведь, когда мы встречаемся, ощущение такое, будто мы только вчера расстались, – добавила Лера.

– Наверное, я что-то сделала правильно, если вы есть в моей жизни, – счастливо рассмеялась Ника.

В один из вечеров решили устроить традиционную «селёдку-парти». Ника приехала в гостиницу к подругам со всем необходимым: селёдкой, копчёной рыбой, варёной картошкой с маслом и укропом, заботливо укутанной, чтобы не остыла, чёрным хлебом, помидорчиками, огурчиками, лучком, томатным соком и, конечно, бутылкой «Абсолюта».

Под картошку с селёдкой, под «Кровавую Мэри» было так приятно обмениваться новостями, посвящать подруг в детали своей жизни, сплетничать об общих знакомых, делиться планами, намечать следующие совместные встречи и поездки и вспоминать весёлые моменты прошлого.

– Помните, как мы устраивали такую вот «селёдку-парти» у Поли и напились? – спросила Лера.

– Ещё бы, и как нам потом плохо было, – подхватила Ника, – а туалет только один.

– В тот раз мы пили текилу, – отозвалась Полина.

– Да, у меня на следующий день была встреча с начальницей. Я должна была ей сообщить, что увольняюсь и уезжаю в Канаду, – Ника передёрнула плечами. – Помню, как страшно нервничала, наверное, потому и напилась.

– Да, жалко, что ты уехала, Ничка. Вот теперь, чтобы напиться, надо в Канаду приезжать, правда, Поль?

– Ага, зато есть возможность вырваться из обыденности, увидеть что-то новое, – согласилась Полина.

– У меня есть тост, – сказала Ника, поднимая стакан с «Кровавой Мэри». – Говорят, что жизнь – это не те дни, что прошли, а те дни, которые запомнились. Благодаря вам, девочки, у меня очень много замечательных воспоминаний, и с каждой нашей встречей их становится всё больше. Давайте выпьем за нашу дружбу, которая подарила нам столько общих воспоминаний!

– Да, а настоящей дружбе океаны не страшны, – подхватила Поля.

Канадские каникулы пролетели незаметно, как одно мгновение. Остались сувениры, куча фотографий и воспоминания.

Воспоминания о том, как подруги нюхали каждый куст цветущей сирени на парламентском холме в Оттаве; как гуляли по фермерскому рынку в Монреале, прямо на ходу поедая купленные ягоды: малину, чернику, ежевику, клубнику; как на смотровой площадке им позировал енот, а потом шёл за ними по пятам до самой стоянки, требуя заслуженное угощение.

Воспоминания о палке для селфи, с которой Лера не разлучалась, как фея с волшебной палочкой.

Воспоминания о величественном здании Оттавского Парламента в неоготическом стиле, об огромной статуе паука на площади перед Музеем искусств, о тенистых улочках Ниагара-он-зе-Лейк с их галерейками и кафе, о виноградниках Онтарио, мимо которых они проезжали.

Воспоминания о великолепии Ниагарского водопада, о радуге, соединяющей американский и канадский берега над ним, о красных плащах с капюшонами, которые должны защищать туристов от миллиардов брызг, летящих на десятки метров вокруг, и о том, как подруги были насквозь мокрые, несмотря на эти плащи.

Воспоминания о десятках выпитых чашек и стаканчиков кофе, о рёбрышках с жареной картошкой в ресторане «Ти Джи Ай», о квебекском национальном блюде путин, картофеле фри, посыпанном сыром и политом мясной подливкой.

Самое главное – их общие воспоминания – эти канадские каникулы, которые они пережили вместе. События и моменты, которые при последующих встречах выльются в тысячи «а помнишь?»... И не важно, как далеко друг от друга подруги живут и как часто видятся. Они знают главное: им есть, куда прийти, есть люди, которые их понимают. Не это ли счастье?

Ирина Волкова, Израиль

Ирина Волкова – геолог, специалист по энергетике камней.

«Много путешествую, участвую в международных минералогических выставках и экспедициях. Люблю жизнь и свои камешки.

В 2017 году прошла Путь Сантьяго – 800 км пешком по северной Испании. Когда-нибудь напишу об этом книгу!»

Параллельный мост

Шумная многоязычная публика толпилась на маленькой кухне. Всем хотелось побыстрее поужинать и отдыхать. Растерянный молодой аргентинец колдовал над кастрюлей с макаронами, которых оказалось много. Куда их деть, парень никак не мог придумать. Народ топтался у него за спиной в ожидании свободного доступа к плите, явно всё больше раздражаясь, но при этом всё продолжали улыбаться – здесь принято излучать доброжелательность при любых обстоятельствах.

Алька уже не могла улыбаться... Она прислонилась к стене и, обняв пакет с заморскими полуфабрикатами, наскоро приобретённый в попутном «маркете», смотрела на кастрюлю с макаронами отсутствующим взглядом. Аргентинец, поймав направление её взгляда, вдруг невероятно оживился – «вот оно, моё спасение» – зазвенели искорки в его глазах... И, подхватив на ходу пару плоских тарелок, увлек Альку вглубь террасы с деревянными столами. У девушки не было сил сопротивляться, и она покорно последовала за кастрюлькой и её чудакотным обладателем.

За ужином почти не разговаривали, только обменивались жестами типа – «Хочешь ещё?», «Нет, спасибо, сыта по горло».

Не то, чтобы мешал языковой барьер – здесь все как-то умудрялись понимать друг друга, говори ты хоть на «тарабарском», да и «гугл-транслейт» всегда был в помощь. Все уже наговорились, обменялись мнениями и эмоциями за эти сотни пройденных километров. Да и усталость поднакопилась.

Вообще это странное свойство организма – усталость – всегда даёт о себе знать перед завершением поставленной задачи, мозг посылает телу волшебный импульс что вот, мол, скоро можно будет расслабиться, а телу только того и надо: «Верните меня в комфортное горизонтальное положение на любимый диванчик, и будет счастье». А то, что это «скоро» будет ещё километров через 150, мозг забыл просигнализировать.

«Ну да ладно, на этот раз уже как-то допоздну, – думала Алька, – а в следующий раз обозначу себе маршрут в два раза длиннее и сойду с полпути, как это делают испанцы. Вот устрою „разрыв шаблона“ своему мозгу... Там ведь с детства запрограммировано – „русские не сдаются“ и начатое доводят до конца».

Двухъярусные кровати в просторном альберге¹ уютно расположились на втором этаже. Молодёжь не расходилась, объединившись в стайки, приглушенными голосами они обсуждали следующие этапы, обменивались опытом и адресами. После многих испытаний и вместе пережитого адреналина будет о чём вспомнить в будущем. А кто-то уже нашёл здесь свою самую большую любовь – романтика дорог и беспечность пробуждают чувства.

Алька избегала общества. Она отправилась в Путь, чтобы побыть одной, разобраться в невероятной буре противоречивых мыслей и эмоций, накрывших её этим летом. Это как заедать сладкое солёным – нагрузить ноги, чтобы не взорваться изнутри от накопившегося напряжения.

Девушка тряхнула головой, как будто отгоняя назойливую мысль. Веер светлых волос взметнулся и мягко опустился на плечи. Длинные тонкие пальцы подхватили прядь со лба и унесли за ухо, открывая две тонкие вертикальные мимические складки над носом. Сколько она себя помнила, эти две морщинки на лбу были всегда – признак постоянной мыслительной деятельности. Ещё в институте из-за них Альку прозвали «Интеллектуалкой». Она никогда

¹ Приют только для пилигримов, странников, путешественников.

не расставалась с книгами, была не частой гостьей на дискотеках, и ей на острый язычок предпочитали не попадаться.

Немного мальчишеская фигура и открытый пронзительный взгляд завершали образ. Симпатичную блондинку с весёлым нравом ребята всегда принимали в компании на равных как «хорошего парня». С ней было интересно, и она никогда не ныла.

Со второго яруса светящийся экран телефона меньше мешает спящим пилигримам, а планировать завтрашний этап куда приятнее лёжа. Завтра предстоит пройти 32 километра – нормально – ноги уже привыкли к таким расстояниям, хорошо хоть перепады высот небольшие.

Пока сон не сморил окончательно, девушка запостила в «фейсбук» сегодняшние фото и добавила немного текста. Она описывала свой путь под тегом #мойПутьСантьяго. Виртуальные читатели и поддерживающие комментарии были нужны ей сейчас!

Алька запланировала пройти Путь Сантьяго ещё два года назад. Тогда ей в руки попала книга Пауло Коэльо «Дневник мага». Ох и зацепило же её тогда это необычное паломничество – Путешествие к Себе, обещающее избавить от иллюзий и придать жизни другой смысл. Долго она готовилась к путешествию – читала рассказы пилигримов в Интернете, представляла себе развалины рыцарских замков и старинных монастырей, погружалась в атмосферу средневековья и свои мистические переживания...

Ожидания её более чем оправдались – сам Путь с его миссией и персонажами теперь казался ей более реальным, чем вся её жизнь до него. Она стала частью этой истории.

Будильник вырвал сознание из предрассветного сна. На «повалиться» времени нет, двери альбергов закрываются за спиной ровно в восемь. Раз назвался пилигримом², иди и не оглядывайся... Йога, лёгкий завтрак, и ноги уже отмеряют новые километры грунтовок, петляющей в осеннем утреннем тумане...

Жёлтые стрелки указывают путь. Не пропустить бы только развилку, а то придётся идти на 5 км больше, а сегодня и так один из самых длинных этапов. Влажный воздух наполняется запахом эвкалиптов, прохладой пробирается под ветровку и щекошет позвоночник. От этого бодрости прибавляется и скорость передвижения из «лёгкой прогулочной» взлетает до «несусь, не разбирая дороги».

Алька не заметила, как проскочила мимо знакомого француза. Услышав в спину: «Bien Camino» – так пилигримы традиционно приветствовали друг друга, махнула головой, что означало: «И тебе!», и побежала дальше, не останавливаясь. Были все шансы дойти сегодня засветло.

Тропинка сужалась, и развесистые кроны старых эвкалиптов вдоль аллеи образовали зеленую арку и туннель. Издалека это походило на открывающийся портал в параллельный мир. Туман потихоньку рассеивался. Становилось жарко. Осознание того, что за три часа пройдена половина пути, безмерно радовало, да и этап живописный – идти было легко и приятно. Даже возникшая на ровном месте колея с грязью не портила общей картины, и только добавляла разнообразия...

Выбравшись на «большую» дорогу, девушка огляделась: по всем признакам цивилизация уже где-то рядом, а значит, скоро можно будет перекусить и отдохнуть. На часах пять, идти ещё километра четыре. Стоило поторопиться – темнеет здесь рано.

² Пилигрим – паломник, странник, путешественник, скиталец по разным странам.

Столбик с жёлтой стрелкой-указателем как-то неестественно кособоко стоял у другого края дороги, и стрелка заставляла резко свернуть налево. Как-то странно всё это выглядело. Но никаких других ориентиров поблизости не было, и Алька решила идти по стрелке.

Километра через полтора стало понятно, что дорожка-то ведёт не туда. Появились сработанные наспех и прикрепленные к деревьям рекламки гостиницы и ресторана – предпринимчивые деревенские испанцы «расставили сети» на пилигримов... И Алька попалась!

А ведь интуиция подсказывала, что-то здесь нечисто! Чертыхаясь и злясь на саму себя, девушка повернула обратно. Как можно быть такой душой – ведь видно, что с указателем что-то не так. Скоро начнёт темнеть, а она, уставшая и голодная, даже не знает в какую сторону идти. Жёлтые стрелки как сквозь землю провалились.

Паника не лучший советчик для путешественника. Взяв себя в руки, Алька интуитивно выбрала направление и пошла вдоль забора, который отгораживал трассу от леса. Всё лучше, чем шагать по трассе. Где-то же этот забор закончится, останется только перейти на другую сторону дороги и разыскать альберг. Но забор всё не кончался...

«Идти вперёд или вернуться?» – внутренний диалог отвлек от реальности...

Окрестность словно расплылась... Преобразилась... На фоне темнеющего неба показались силуэты лошадей, потом телеги, заполненные бедным людом...

Гул голосов, топот копыт, глашатай зачитывает указ – размеренно выкрикивает устрашающие слова: «Приговор! Ведьмы! Костёр!» Простой люд с любопытством поглядывает на него, не отрываясь от привычных дел...

Обыденность средневековья...

Мимо пронеслось пыльное облако – рыцари, полязгивая мечами, умчались на турнир. Шустрый голодный мальчишка выхватил узелок с провизией у зазевавшейся крестьянки, но не успел увернуться, и толстая плеть возницы змеёй прошлась по спине... Выронив добычу, малец навзничь упал на булыжную мостовую, истекая кровью... Прохожие зеваки со смехом и одобрением похлопывали мужика по плечу и отпускали колкости барышне-крестьянке.

И вдруг всё затихло – только скрип старой телеги звучно оглушил пространство, раскачиваясь и спотыкаясь о булыжники, телега едва не опрокинулась, железная клетка, стоявшая на ней, скользнула на край – толпа отшатнулась.

«Ведьма», – прошелестел порыв ветра...

Молодая красивая женщина, стоя на коленях, цепко держалась за прутья клетки. Длинные белокурые волосы разметались в разные стороны, изорванное платье чудом держалось на худых плечах. Она сосредоточенно и напряжённо вглядывалась куда-то в даль. Две глубокие вертикальные борозды пересекали её лоб.

Их взгляды встретились...

Картина, только что казавшаяся реальной, так же внезапно, как и появилась, растворилась в дрожащем воздухе. Алька не заметила, как оказалась на мосту. Мелкая дрожь била ее. Сумерки надвигались фатально быстро.

Самопроизвольно включился режим самосохранения. Рассуждать было поздно. Вперёд, и быстро!

Тренированное тело, привыкшее к экстремальным ситуациям, само приняло решение и мобилизовало все ресурсы. Сознание расслабилось и подчинилось неизбежному, эмоции и мысли замерли. Внимание переключилось на дорогу.

Алька немного успокоилась, и способность воспринимать реальность к ней постепенно возвращалась. Странно было обнаружить себя в новом месте и не помнить, как сюда попала – как будто телепортировалась в другое измерение...

Видел бы кто её сейчас – худенькая блондинка с рюкзаком за спиной стремительно вышагивала по заброшенному акведуку, протянувшемуся между горных вершин.

Основания цементных столбов конструкции терялись где-то далеко внизу у подножья гор, старый асфальт потрескался и местами провалился. Повсюду валялись сломанные ветки и пожухлые листья, занесённые сюда ветрами.

Новый параллельный мост, построенный чуть выше по уровню, отсюда выглядел сюрреалистично.

По современному акведуку мчались машины, гроыхали фуры, со свистом проносились байкеры – там было ДВИЖЕНИЕ, там была ЖИЗНЬ.

И Алька вдруг всем своим нутром почувствовала, что именно ради этого момента она и отправилась в путешествие. Именно сейчас происходит та переоценка и переосмысление накопившегося жизненного опыта, трансформация сознания, которая позволит ей жить дальше, дышать свободно и любить ЖИЗНЬ во всех её проявлениях.

Она стояла лёгкая и окрылённая, по щекам струились слёзы – слёзы облегчения. Свободный Дух одержал победу над страхами и предрассудками...

Неизвестность больше не пугала, а скорей интриговала.

Девушка нежно поглаживала ржавые перила старого великана, наблюдая за исчезающим солнечным диском... Сумерки добавили мягких красок и ласкали взгляд. Больше не хотелось никуда спешить. Этот, пугающий в начале пережиток прошлого, стал вдруг таким родным и волшебным.

– Спасибо тебе, дедуля. Ты мне здорово помог! – произнесла она вслух, обращаясь к мосту. – Я поняла, что прошлое никуда не уходит. Оно живёт с нами рядом – своей прекрасной параллельной жизнью. Из него мы черпаем мудрость и умиротворение, оно – наша сила и поддержка, наш импульс в будущее.

Благодарна тебе за помощь! Буду помнить тебя всегда!

И тут ей показалось, что огромный бетонный мост слегка качнулся, давая понять, что слышит её... А может, это был порыв ветра... Алька постояла ещё немного, наслаждаясь вечерней прохладой и красотой горного заката, потом не спеша пошла дальше.

Тёплый асфальт заботливо согревал своим дыханием, воздух звенел мелкими колокольчиками тишины, пахло уютом и эвкалиптами... Ах, какое удовольствие быть ЖИВЫМ, снова чувствовать, ощущать каждой клеточкой что ты ЕСТЬ!

Впереди виднелись огни альберга.

Появившиеся из темноты немцы, увидев Альку, радостно замахали руками – будет с кем сегодня разделить ужин!

Утром на пороге осталась пара походных ботинок и записка:

«Free, you can take it, amigo. Buen Camino!»³

³ «Свободно, можешь взять, друг! Счастливого пути!» Перевод с английского и испанского. Эти два языка используются путешественниками, проходящими Путь Сантьяго. Нередко их смешивают.

Натали Кантор, Израиль

Фотограф и видеограф, музыкант и филолог – закончила филологический факультет университета.

«Первые попытки писать рассказы были во время учебы. Сейчас пишу мало и редко, только когда приходит вдохновение. Живу в Ашкелоне, Израиль».

Петровна

Утро не заладилось. Петровна встала с головной болью и вышла на кухню. На неё безнадежно взирали тарелки из раковины, которые нужно было вымыть ещё вчера, но было лень. Петровна выглянула во двор, задумчиво почесала за ухом кота, потом тоскливо поплелась к раковине.

Вечером, засыпая, она представляла себе, как сегодня в пять минут управится с грязной посудой, а потом свернет горы: то есть покрасит стены, наготовит пять кастрюль, вымоет окна и наконец-то начнет учить английский, который обещала себе учить хотя бы по уроку в день ещё когда закончила школу, 40 лет назад...

В общем, планы были наполеоновские. Петровна вздохнула и протянула руку, чтобы убрать термос в шкаф. Взяла его и задумалась.

Она вспомнила, как в голодные годы, когда им, городским, давали от завода делянки под огороды, ездила туда всё лето, и полола картошку, не разгибая спины. И как в один прекрасный день она собралась ехать на огород, чтобы выкопать плоды трудов своих, и её старенький, тогда ещё живой отец захотел ей помочь. И как они ехали утром на трамвае до вокзала, откуда нужно было ещё 4 часа ехать электричкой до этого треклятого огорода, который отнимал у нее полжизни.

Но трамвай пришёл не по расписанию, и когда они вышли на той остановке, от которой было ближе всего к вокзалу, и она поняла, что до отхода электрички десять минут, а бежать ещё пару километров с сумками на колёсах, между прочим, и лопатами, она сказала папе, чтобы не бежал. Если не успеет, пусть идет домой. А сама понеслась по тому чёртовому спуску до вокзала, каждую секунду получая удар лопатой по ноге.

Каким-то чудом она успела на эту электричку, забралась в вагон, и всю дорогу думала, потирая свежие синяки на ногах, успел ли папа. И сама для себя решила, что он не успел и поехал домой. Конечно, ведь ему уже было за 70 – не те годы, чтобы конём скакать за поездами, с сумкой и лопатой наперевес.

Но когда она высадилась на своей станции, а электричка ушла, вильнув хвостом копоти, Петровна увидела папу. Он стоял на щёбёнке и доставал из сумки такой же термос, как тот, который она собиралась поставить в шкаф. Сумка была мокрая, а в термосе звенело битое стекло от колбы.

Папа успел запрыгнуть в последний вагон, а он остановился там, где нет перрона, и прыгать с него было высоко. Папа спрыгнул и упал. Сумка ударилась о шпалу, и весь чай вытек на пыльный щебень. Петровна смотрела в шкаф, видела старенького папу с разбитым коленом и разбитым термосом в руках, и её душили слезы... А из раковины на неё безнадежно смотрели грязные тарелки...

Елена Майзлин, Израиль

«Я не писатель, а только учусь. Хотя я даже не знаю, хочу ли им быть. Я пишу, потому что не могу не писать. Для меня это как второе дыхание, как танец, в котором я забываю обо всём. Писать для меня – наверное, самое любимое занятие. Поэтому очень хочу жить в маленьком доме в лесу и писать, иногда выходя в город, толпу, народ, потому что шум тоже люблю.

Я филолог, преподаватель русского языка и литературы. Но это было в прошлом. Я уже 20 лет живу в Израиле. Какое-то время была редактором небольшого русскоязычного издания. Сейчас у нас с мужем семейный туристический бизнес – занимаемся организацией туров в Израиль.

Я очень люблю Израиль, неисправимая сионистка и оптимистка насчет его будущего, и много пишу именно о нём. Что вижу на улицах нашей страны, о том и пишу – небольшие рассказы. Буду очень рада, если они подарят вам минуты радости и вдохновения».

Человек мой маленький

«Люди, полагающие, что они никому не нужны, на самом деле часто самые нужные».

Эрих Мария Ремарк

Да-да, это я про тебя говорю! Ты, тот, кто сгорбился, чтобы тебя не видели, в сереньком пальто. Сделай шаг вперед, выйди из толпы. Подойди ко мне поближе. Я хочу, чтобы ты получше рассмотрел небо. Видишь? Тут звезды, и тут... А вот там справа – темно. Нет звезды. Хотя вчера она еще была. Знаешь, почему?

Человек один вчера умер. Незаметный такой, скромный. Никому не мешал. Тихо жил себе, трудился все время и вот так же тихо умер. Я при жизни-то на него внимания не обращала, а смерти его уж тем более могла не заметить. Так и исчез бы он из моей памяти, как будто его и не было никогда. Но я увидела вчера, как падала звезда. Она была там, где сейчас зияет темная дыра. И мне стало ясно, что это человек тот прекратил дышать.

Сейчас, когда я смотрю на небо, то думаю, насколько было бы светлее, если бы там снова зажглась звезда. Но нет. Ее там уже не будет никогда... И поэтому я буду помнить об этом человеке.

Ты плачешь? Не плачь. Давай поговорим о тебе. Думаешь, ты маленький? Незначительный? Никому не нужный? Брось! Твоя звезда – вон там. Видишь? Смотри, как красиво. А если она потухнет? То-то же! Без тебя никак. И знаешь, ты мне нужен. Почему? Я тоже маленький. Не веришь? Говоришь, моя звезда гораздо ярче твоей? Да тебе так кажется! Это я просто в красном пальто. Мама на меня его в детстве надела, сказала, что без него я буду серой, как мышь. Поэтому мне и приходится в нем ходить. И вид делать, что я такая яркая вся из себя.

Сейчас тебе расскажу одну историю. Дедушка мой был скромным очень. Войну прошел всю. О подвигах своих говорил, как о простом чем-то, незначительном, и только, если попросишь. Всегда в тени был. Незаметный такой. Ни от кого ничего он не требовал, наоборот, старался быть нам не в тягость. Умер тихо, с улыбкой на губах. Когда я о нем думаю, сладостная боль пронзает мое сердце. Думаю часто. Образ его яркий.

О, я еще кое-что вспомнила! Картину как-то видела – художницы израильской одной. Человек гуляет по Яффо. Одет он просто очень. Сутулитесь слегка. На лице застенчивая улыбка. Палочка в руках. Идет человек этот по узкой улочке, фонарь фигуру освещает. А за ним кошки гурьбой.

Заинтересовала меня картина. С художницей списалась. Оказалось, живой это человек. Инвалид израильской армии. Был ранен в какой-то войне. Теперь живет тихо. Гуляет сам по себе. Кошек кормит и от собак защищает. Однажды даже на руки кошку схватил, когда на нее собака напала. Не побоялся, что укусит его. Художница говорит, хороший человек, скромный очень, молчаливый. Не хвастается своим участием в войне. Говорит об этом со стеснением. Родные знают все и любят его, а люди, повстречав на улицах старого города, думают, дурачок, наверное, местный, с бродячими кошками якшается. И я бы так думала, хорошо, что узнала историю его. Теперь не забуду.

Боже, как же это замечательно! Тебя трогают эти истории? Меня – да... Ах, как щиплет сердце. Соприкосновение с чем-то очень важным. Я чувствую, что Господь любит скромных, маленьких! Больше, чем больших и ярких. И чтобы мне не говорили, чувство это подлинное. Я его не придумала. Оно появилось во мне как откровение, знание свыше. Возможно, даже от самой звезды.

Недавно у меня очень сильно сердце щемило. Совсем свежая история. «Сотни людей пришли проститься с Моти Бен-Шаббатом, который утонул, спасая людей во время наводнения в Нагарии».

Моти помог трем людям выбраться из машины. Потом он снова бросился в воду, подумав, что в салоне остался малыш. Его затянуло мощным течением, и выбраться он уже не смог.

Меня так потрясло это событие, что я начала искать информацию про этого героя. Я прочитала, что говорила его мать на похоронах: «Он всего себя отдавал другим»; и также его отец: «Мой сын был скромным и тихим. Всегда искал, как помочь другим. В пятницу он всегда покупал пакеты со сладостями, которые раздавал в синагоге. Везде, где нужна была помощь, он приходил первым. Когда у него заканчивались деньги, то он просил у меня под видом того, что он хочет купить себе одежду, а на самом деле покупал продукты нуждающимся».

Я по этому Моте три дня плакала. И сердце мое, мне кажется, стало светлее. Его я не забуду.

Ты понимаешь, для чего я тебе все это рассказываю? Я хочу, чтобы ты обрадовался своей малости. Чтобы она в тебе звезду зажгла.

Маленькие люди были всегда. И ими почему-то интересовались великие писатели. Рассказывали о них так, что мы до сих пор рыдаем над их произведениями.

Вот у тебя глаза загорелись! Сброшу-ка я с себя пальто свое красное. Мешает оно мне чувствовать себя свободной и быть самой собой. Я ведь такая же, как ты – человек маленький.

А ты важен, очень. Ты главный герой в этой жизни. Можно, я обниму тебя? Мы маленькие люди, но можем делать большие дела. Пошли зажигать наши звезды! И пусть от них меняется мир.

Очарованный странник

Как-то на встрече, посвященной 20-летию русской алии, один журналист сказал, что для многих репатриантов переезд в Израиль оказался трагедией. Они приехали не в ту страну, о которой мечтали. Мне эта тема тоже близка. К сожалению, или к радости – решать вам...

Этот рассказ был написан мной давно. Тогда я еще искала свое место под солнцем в Израиле, и этот текст стал своеобразным провозглашением меня. Было очень тяжело приспособиться к новой жизни.

Однажды мне приснился сон, как я искала для себя кусок родной земли в Израиле, долго шла по безлюдным полям, но не могла ничего найти. В какой-то момент, обессилив, в отчаянии упала на землю и вдруг почувствовала, что лежу на ней – моей родной земле.

В Израиле солнце властвует полгода. Оно как будто испытывает на прочность и природу, и человека, жалея изо всей своей силы. К нему часто присоединяется сухой ветер из пустыни, израильтяне называют его «хамсин». Иногда же, когда среди этого пекла выдается прекрасный день с ветерком, кажется, что ты попал в рай. Море, небо – все вокруг приобретает сказочные цвета или, скорее, оттенки, которым «в этом мире ни созвучья, ни отзвука нет». Горы прячутся в легкой дымке. На такую землю хочется смотреть, по такой земле хочется гулять. Эта красота не видна сразу, не открывается она и поверхностному взгляду туриста. Только долгое пристальное наблюдение за природой во всех ее контрастах поможет познать неведомые богатства обетованной земли. Духовная жизнь здесь также полна контрастов: то борьба и давление в сильнейшей концентрации, то радость и благословения небывалые. Но как же еще ощутить вкус победы, если не бороться?

Я бы сравнила путь человека в Израиле с его путешествием из жаркой Иудейской пустыни к северным прохладным лесам на Голанских высотах. Человек, который приезжает в Израиль, не сразу вкушает «молоко и мед» этой земли. Тяготы и заботы не дают ему видеть то, что видят другие. И он порой с болью смотрит на совершенно непривычную для него окружающую среду. Тропики сводят его с ума. Он, потрясая кулаками в воздухе, кричит в глухое медное небо: «Где же обещанная земля, текущая молоком и медом?» Лишь изредка, отрываясь от работы и своих раздумий, с непониманием смотрит он на праздно прогуливающихся мимо него людей. Потом снова опускает свою голову, погружаясь в заботы, и видит только голые камни и песок.

Время тянется очень медленно. День становится все длиннее и жарче, мысли – тяжелее. Столько лет ничего не меняется. Человек встает, смотрит на издевающееся над его терпением солнце, пинает ненавистные камни – сколько он ни трудился, ничего не выросло на них! – и уходит прочь... Куда глаза глядят. Что же, вернуться туда, откуда он родом? Но он слишком далеко ушел и уже не помнит дороги назад.

Проходит он через Иудейскую пустыню. Видит Мертвое море. На секунду зажмуривается от ослепительного блеска, играющего в соленых водах. «Красивое море, но оно же мертвое, нет в нем жизни, как и в этой пустыне. Хотя, если приглядеться, песочная долина очень красива, особенно эти древние меловые горы, напоминающие великанов. Ее цвета меняются, как у хамелеона. Она о чем-то говорит... Но мне некогда прислушиваться». Встречаются на его пути и вечно восхищающиеся всем туристы. «Наивные люди! Они гуляют по цветущим оазисам в пустыне, срывают финики и оливки. Думают, что все это так, само собой, взяло и расцвело. Не знают, сколько пота здесь пролито!»

Подходит турист к Иордану. «Разве ж это река? Так, речушка какая-то, ничем не приметная. Не то, что Волга или Днепр». С насмешливой улыбкой смотрит он на людей, приехав-

ших сюда специально, чтобы покреститься в водах, в которых когда-то Йоханан окунал Иешуа. «Думают, наверное, что река волшебная. Я-то знаю, что она впадает в Мертвое море».

Идет он дальше по израильской саванне, временами пробирается через лесные заросли. «Не леса, а какие-то кустарники». Не слышит он пения птиц, не чувствует запаха травы. Лишь одно единственное желание убежать отсюда. На всем продолжении пути за ним следует солнце и тянется горная цепь, словно пытаясь закрыть от него цель путешествия. Он задумывается, шаг становится медленней. Прибрежная равнина. Размышления его прерываются, когда он видит уходящее за горизонт огромное красное солнце. Там небо сливается с морем. Глаза его изучают эту необъяснимую красоту, и он на миг забывает обо всем.

Дальше на его пути Кинерет – Тивериадское озеро. Если смотреть сверху, оно подобно огромной небесной чаше. Красиво, ничего не скажешь. Но летом находиться в этой низине невозможно – душно. В древние времена, наверное, все было по-другому. Иначе понять не могу, как здесь жили и творили историю герои Библии...

Голанские высоты. «Гулять по ним в одиночку нельзя. Только с экскурсией и хорошей охраной. Еще как бы на минные поля не забрести. Нет, такой красоты без свободы мне не надо! Я ухожу, с меня достаточно. Скоротаю лучше отпущенный мне век в своем краю... Там я больше смогу принести пользы. Не по душе мне здешняя флора. И, в конце концов, сколько еще Твоих сыновей осталось там, в далеких странах. Ничего, живут нормально... Ну, понимаешь, для меня здесь все чужое. Никогда не пойму прелести раскаленного на солнце камня».

Восток. Духота. Каменистая почва под ногами и горячая пыль в воздухе пытаются остановить его. Но он сердится еще больше: «При чем здесь я, северный человек! Каким ветром занесло меня сюда? Я вспомню дорогу домой! Вперед!» Туда, где прохладней, просторней, родней, туда, где он снова будет таким, как прежде. Ведь все еще можно изменить, вернуть былое! Он слышит уже родные напевы, видит уже любимый край.

Поглощенный мыслями, забредает странник в дикую северную степь на самой границе с Ливаном. Все молчит вокруг. Лишь ветер пригибает к земле траву и мешает идти вперед. Неуютно. Суровый и незнакомый пейзаж пугает. Солнце ушло за горизонт, кругом ни души.

Человек трогает свое шершавое обгоревшее лицо и признается себе, что никогда не сможет стать прежним. Солнце уже поставило на нем свою печать! И если он уйдет отсюда, ему все равно не будет покоя. «Ну что же мне делать, что?» Он падает на неродную землю и рыдает. Странник чувствует, как она принимает его слезы, его страдания. Она шепчет ему о том, как долго ждала его.

Где-то мелькает тень Иакова, борющегося с Богом на границе обетованной земли. Что хотел получить он, возвратившись после долгих скитаний на свою родину? «Не то же ли самое, что ищущий я?» Странник слышит несмелые шаги Руфи, идущей по каменистой почве навстречу неизвестности. «Что чувствовала она? Не то же ли самое, что я?» Видит он одинокую фигуру на горизонте, с неуверенностью смотрящую на лежащую перед ней незнакомую землю и слышит твердый сильный голос, от которого вздрагивают горы и редкие деревья скидывают свои кроны: «Авраам, тебе и потомству твоему отдам Я землю сию!»

Наступает долгожданная прохлада. Природа оживает. Слышится ароматный запах травы. Ветер! Совсем не тот, что так долго преследовал его – не ветер пустыни! Человек понимает, что лежит на своей земле. На той самой, которую он искал всю жизнь. Он готов обрабатывать камни до тех пор, пока на них не вырастут цветы. Теперь странник знает, куда лежит его путь – назад, навстречу солнцу! Он пройдет до конца. Ему не страшно: в тысячный раз мощный загар покрыл его тело. Какое-то родное теплое чувство наполняет все его существо. Кто-то протягивает к нему свои опаленные солнцем руки! Странник поднимает голову и видит Его...

Все свое ношу с собой

Я с собой ношу мой подоконник! Такой удобный с разноцветными подушками, розовым в белый горошек матрасиком и пелеринками. На нем всегда, где-то в ногах, уместается стильный горшочек с цветами. Или лучше, мини-террариум с экзотическим бамбуком, маленькими домиками, из мизерных окошек которых струится свет вложенных в них гирлянд, подсвечник с вечно горящей лавандовой свечой, куча потрепанных недочитанных книг, баночка с зефирками и мятными шоколадками и, конечно, всегда горячий ароматный кофе.

Мой подоконник я ношу с собой в любую погоду. Потому что я хочу видеть все, что происходит в мире, ой, то есть, за окном: восход, закат, полуденный зной, дождь с грозой и молнией, снег... Хочу наблюдать, как наступает утро и вечер, как ночь сменяет день. Все это я хочу застать и ничего не упустить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.